

Эти слова заставили всех членов семьи Гуань перемениться в лице. Искать Ли Юэхуа — это всё равно что желать им смерти.

Гуань Юань внутренне наслаждался. Он и не подозревал, что Чжао Шэнгу может быть таким язвительным.

Гуань Тайсин, не получив желаемого ответа, надулся. Он не смел связываться с Чжао Шэнгу, поэтому снова бросился к столу, чтобы схватить еду.

В тридцатый вечер нужно было бодрствовать до полуночи, но Чжао Шэнгу не хотел присоединиться к остальным. Гуань Юань тоже хотел провести время вдвоём, поэтому они вернулись в комнату, закрыли дверь и легли на кан. Чжао Шэнгу начал рассказывать Гуань Юаню истории.

Хотя эти истории были старыми, Гуань Юань слушал их с большим интересом.

Через некоторое время где-то зазвучали фейерверки, и вскоре по всему посёлку раздался непрерывный грохот. Гуань Юань заснул под этот шум, прижавшись к Чжао Шэнгу.

Проснувшись утром, Гуань Юань услышал голос Чжао Шэнгу над собой:

— Сяо Юань, проснулся!

— Угу, — ответил он, но не собирался вставать, продолжая лежать на Чжао Шэнгу.

Тот не торопил его, и они просто лежали в тишине.

В первый день нового года нужно было навестить могилы умерших родственников. В этой семье только Гуань Юань и Чжао Шэнгу помнили Ли Юэхуа. Они умылись и отправились к её могиле.

На дороге было много людей, направляющихся на кладбище.

Обычно нужно было брать с собой свечи и бумагу для сжигания, но у Чжао Шэнгу и Гуань Юаня не было такой возможности.

Чжао Шэнгу встал на колени перед могилой Ли Юэхуа:

— Мама Юэхуа, мы с Сяо Юанем пришли поздравить тебя с Новым годом. В этом году он немного поправился, и мы можем есть досыта. Пожалуйста, благослови его, чтобы он был здоровым и не знал бед.

Гуань Юань не помнил Ли Юэхуа. И любовь, и заботу он получил от Чжао Шэнгу, и не чувствовал никакой потери.

Слушая, как Чжао Шэнгу говорит о нём, Гуань Юань чувствовал, как его сердце наполняется теплом.

— Сяо Юань, поклонись маме! — сказал Чжао Шэнгу, вставая.

Гуань Юань встал на колени и тихо молился:

— Мама, если ты действительно на небесах, пожалуйста, благослови брата, чтобы он был здоров и оставался со мной до старости.

После посещения могилы Ли Юэхуа они отправились к могилам родителей Чжао Шэнгу и его деда. На обратном пути Чжао Шэнгу стал более подавленным.

Он, хоть и был зрелым, всё ещё оставался ребёнком. Окружающие люди относились к нему с недоброжелательностью, и он тоже чувствовал страх и неуверенность. Но перед Гуань Юанем он старался выглядеть сильным.

Гуань Юань, прижавшись к Чжао Шэнгу, чувствовал боль за него.

— Брат, не грусти, у тебя есть я. Мы всегда будем вместе.

Чжао Шэнгу очнулся и с улыбкой ответил:

— Ты? Когда ты женишься и заведёшь детей, ты забудешь про брата.

— Я никогда не забуду, — уверенно сказал Гуань Юань. — А ты, брат, женишься и заведёшь детей? — осторожно спросил он.

Чжао Шэнгу задумался:

— Нет, пока ты не вырастешь, я не женюсь.

Хотя он не сказал, что никогда не женится, Гуань Юань был удовлетворён. Впереди ещё много времени.

По дороге они встретили многих жителей посёлка, которые с удивлением заметили, как хорошо выглядит Гуань Юань. Его щипали за щёки и тянули за уши. Кожа Гуань Юаня, благодаря воде из духовного источника, была нежной, и от прикосновений грубых рук на его лице оставались красные следы.

Чжао Шэнгу был очень расстроен. Чтобы защитить Гуань Юаня от таких прикосновений, он закутал его в свою одежду, оставив только глаза видными. Теперь никто не мог его трогать, и они спокойно вернулись домой.

Обед был не лучше обычного. Гуань Юань знал, что Ян Сюцуй оставила лучшие блюда для важных гостей, поэтому не удивился. Но дети не могли смириться с этим и плакали, требуя мяса.

В Новый год нельзя плакать и бить детей, поэтому Ян Сюцуй пришлось положить на стол остатки еды, чтобы успокоить их.

После обеда в посёлке начался шум. Гуань Юань вышел посмотреть и увидел, что дети старосты вытащили сани и катались по деревне, за ними тянулась вереница детей.

Сани тянули собаки, и только у старосты было две большие собаки, поэтому все дети мечтали прокатиться.

Чжао Шэнгу, увидев, как Гуань Юань смотрит на сани, подумал, что он тоже хочет покататься. Он подвёл Гуань Юаня к группе детей. Сын старосты, Гуань Эрчжуан, был крепче других детей.

— Эрчжуан, дай мне сани, — строго сказал Чжао Шэнгу.

Гуань Эрчжуан шмыгнул носом. Он боялся Чжао Шэнгу, но, собравшись с духом, осторожно

сказал:

— А если я не дам?

Чжао Шэнгу сделал ему знак подойти. Гуань Эрчжуан не хотел идти, но боялся, что его побьют, поэтому попросил своих друзей присмотреть за санями и нехотя подошёл.

Чжао Шэнгу отломил небольшой кусочек мяса, оставшийся с прошлого раза. Гуань Эрчжуан, увидев мясо, загорелся:

— Мясо!

— Теперь дашь?

Гуань Эрчжуан быстро согласился. Санями можно было кататься каждый день, а мясо было редкостью. Он схватил мясо и, не обращая внимания на то, что оно холодное, сунул его в рот. Гуань Юань хотел сказать, что это не нужно, но он наслаждался тем, как Чжао Шэнгу заботится о нём, поэтому с улыбкой стоял в стороне.

Чжао Шэнгу посадил Гуань Юаня на сани и, крепко держа его, начал управлять санями. Когда сани понеслись, Гуань Юань почувствовал, как его сердце наполняется радостью. Несмотря на белоснежные просторы, он смеялся от счастья, чувствуя, как слёзы наворачиваются на глаза.

Сто лет он ждал, и наконец снова встретился с Чжао Шэнгу. В этот момент его сердце было переполнено благодарностью за то, что ему дали второй шанс исправить ошибки прошлой жизни.

Второй день нового года был днём, когда дочери возвращались в родительский дом, но жёны семьи Гуань были оставлены Ян Сюцуй, чтобы приготовить еду для важных гостей.

Ян Фэйфан и Ли Юэчжи были недовольны, а Чжао Сюлянь, как всегда, покорно согласилась.

Гуань Маньсин и её семья пришли почти к обеду. С ними была пара средних лет и молодой человек лет двадцати.

Пара выглядела опрятно, а молодой человек был высоким и крепким. Хотя он не был красавцем, но и не был плох. Гуань Маньсин представила мужчину как Ван Эрдао, работающего в столовой правительства, женщину — как Ма Сюин, рабочую, а молодого человека — как Ван Гохуэй, работающего в правительстве.

Все, кроме жён семьи Гуань, были в восторге. Гуань Маньюэ покраснела и украдкой поглядывала на Ван Гохуэя.

Гуань Юань смотрел на это с усмешкой:

«Глупцы, они даже не задумываются, что если у него такие хорошие условия, то зачем ему искать жену в деревне?»

Чжао Шэнгу тоже всё понял, но был озадачен.

После обеда две семьи стали как родные. Ян Сюцуй выгнала всех детей из главной комнаты, и семьи начали обсуждать что-то внутри.

Когда Гуань Маньсин уходила, Ян Сюцуй не только дала ей еду, но и отправила с ней продукты

для семьи Ван Гохуэя, не забыв даже положить два куска мяса.

Вечером в доме Гуань царила радостная атмосфера, а Гуань Маньюэ была особенно счастлива. После ужина Ян Сюцуй сказала:

— Моя старшая дочь такая умница, не только сама вышла замуж за городского, но и Маньюэ теперь в выигрыше. Мои дочери рождены для жизни в городе.

Ян Сюцуй хвасталась, не думая о чувствах своих невесток. Ли Юэчжи сдерживалась, но не могла больше молчать:

— Да, вся семья работает до изнеможения, а всё хорошее забирают. Какая удача! А я, бедная, должна работать как лошадь для других.

Ян Сюцуй, привыкшая говорить, что думает, сначала не поняла, что Ли Юэчжи имеет в виду, но потом осознала, что та говорит о том, что не стоило отдавать всё Гуань Маньсин. Она взорвалась:

— Ты жена семьи Гуань, как ты смеешь указывать свекрови? Я даю своей дочери, что хочу. Ты ешь и пьёшь за счёт семьи Гуань, а ещё указываешь мне? Если не нравится, уходи!

Гуань Маньцан тоже был недоволен Ли Юэчжи:

— Женщина, что ты понимаешь? Чтобы поймать волка, нужно пожертвовать ребёнком. Если у меня будет два таких влиятельных зятя, они точно помогут мне подняться.

<http://bllate.org/book/16465/1494663>